

«Латинские» реликвии Новгорода в литературной традиции Выговской пустыни: к вопросу об осмыслении старообрядцами произведений средневекового западноевропейского искусства

И. А. Мельников

Новгородский государственный объединенный музей-заповедник,
Великий Новгород, Россия
potep_88@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена вопросу интерпретации старообрядцами новгородских реликвий, имеющих западноевропейское происхождение: Магдебургских врат XII в. и окладов Евангелий из Антониева монастыря, созданных в Лиможе в XIII в. Выговские книжники использовали эти произведения средневекового европейского искусства в полемике с новообрядцами и последователями Феодосия Васильева, отстаивавшими возможность поклоняться крестам с «пилатовой титлой» – надписью ИИЦІ (Исус Назарянин Царь Иудейский). Благодаря этому мы имеем относительно подробное описание данных памятников, составленное в первой трети XVIII в. в качестве добавления к произведению Андрея Денисова «Собрание о титле на кресте». Один из списков этого сочинения хранится в фонде Отдела письменных источников Новгородского государственного объединенного музея-заповедника. Также высказывается предположение о возможном влиянии этих памятников на позицию новгородских сторонников изображения «пилатовой титлы» на крестах, которая спровоцировала продолжительную полемику, препятствовавшую объединению двух крупных беспоповских согласий в XVIII в. Наконец, сопоставление толкований латинских надписей на новгородских реликвиях с оригинальными памятниками, сохранившимися до наших дней, позволяет составить представление о степени владения старообрядческим автором (вероятнее всего, киновиархом Выговской пустыни Андреем Денисовым) навыками работы с латинскими текстами. Довольно детальные расшифровки монограмм свидетельствуют, что такая работа велась выговским книжником либо единолично, либо с использованием познаний лица, разбиравшегося в различных вариантах расшифровок и нюансах латинского произношения, нашедших отражение в кириллических транскрипциях, приведенных в сочинении.

Ключевые слова: старообрядчество, Выговская пустынь, Новгород, федосеевцы, церковные реликвии, Магдебургские врата, лиможские эмали.

Для цитирования: Мельников, И. А. (2025). «Латинские» реликвии Новгорода в литературной традиции Выговской пустыни: к вопросу об осмыслении старообрядцами произведений средневекового западноевропейского искусства. *Caurus*, 4(2), 185–197. [https://doi.org/10.34680/Caurus-2025-4\(2\)-185-197](https://doi.org/10.34680/Caurus-2025-4(2)-185-197)

‘Latin’ relics of Novgorod in the literary tradition of the Vyg Hermitage: on the interpretation of medieval western European art by Old Believers

Ilya A. Melnikov

Novgorod State Museum-Reserve, Veliky Novgorod, Russia
potep_88@mail.ru

Abstract. The article addresses the question of how Old Believers interpreted Novgorod relics of Western European origin – namely, the 12th-century Magdeburg Gates and the 13th-century Limoges Gospel covers from the Antoniev Monastery. The scribes of the Vyg Hermitage used these examples of medieval European art in their polemics against the New Ritualists and the followers of Feodosy Vasiliev, who defended the veneration of crosses bearing the “Pilate title” inscription – ИИЦІ (Iisus Nazaryanin Tsar Iudeyskii, “Jesus of Nazareth, King of the Jews”). As a result of this controversy, a relatively detailed description of these artifacts was produced in the first third of the 18th century as an appendix to Andrey Denisov’s treatise *Collection on the Title on the Cross*. One copy of this work is preserved in the Written Sources Department of the Novgorod State United Museum-Reserve. The article also suggests that these relics may have influenced the position of Novgorod supporters of depicting the “Pilate title” on crosses – a stance that sparked a prolonged debate, which ultimately hindered the unification of two major bespopovtsy (priestless) Old Believer factions in the 18th century. Finally, comparing the Old Believer interpretations of the Latin inscriptions on the Novgorod relics with the original artifacts that have survived to this day makes it possible to assess the Old Believer author’s (most likely the Vyg Hermitage leader Andrey Denisov) proficiency in working with Latin texts. The detailed deciphering of monograms suggests that the work was carried out either by the Vyg scribe himself or with the assistance of someone knowledgeable in the various methods of interpretation and the nuances of Latin pronunciation – features that are reflected in the Cyrillic transcriptions included in the treatise.

Keywords: Old Believers, Vyg Hermitage, Novgorod, Fedoseevs, Church relics, Magdeburg Gates, Limoges enamels.

For citation: Melnikov, I. A. (2025). ‘Latin’ relics of Novgorod in the literary tradition of the Vyg Hermitage: on the interpretation of medieval western European art by Old Believers. *Caurus*, 4(2), 185–197. [https://doi.org/10.34680/Caurus-2025-4\(2\)-185-197](https://doi.org/10.34680/Caurus-2025-4(2)-185-197)

Известно особенное почитание старообрядцами памятников русской церковной старины. Дореформенная православная традиция была для них не только культурным ориентиром, но и доказательством тех отличительных особенностей ее обрядовой и вероучительной составляющей, которая подвергалась изменениям в ходе реформ патриарха Никона, как «несоответствующая» древним образцам [Юхименко, 2014; Юхименко, 2019].

Со второй половины XVII в. староверы начинают использовать описания предметов русской церковной старины и рукописных памятников в качестве доказательства древности, например, восьмиконечного креста, дореформенных текстов молитв и т. д. В начале XVIII в. особенно преуспели в исследовании христианских древностей, хранившихся в русских церквах и монастырях, книжники Выговской пустыни, стремившиеся опровергнуть подобной работой тезис реформаторов о новизне старых обрядов. Наиболее строгому критическому разбору подвергались памятники, вступающие в противоречие с тезисами «ревнителей древнего благочестия» и активно использовавшиеся в антистарообрядческой полемике. Благодаря этому были опровергнуты такие подложные памятники письменности, как «Феогностов требник» и «Деяния на еретика Мартина». Эта важная работа дала не только уникальные описания памятников, на которые научное сообщество обратило внимание значительно позже (например, «Изборник

Святослава» [Юхименко, 2023]), но и сформировала в старообрядчестве особенную ориентацию на критическую работу с источниками. Интерес старообрядцев подпитывался также развитием паломнических маршрутов, в которых те или иные предметы приобретали характер почитаемых реликвий, обладавших необходимым авторитетом, на который можно было ссылаться при отстаивании своей позиции.

Ориентация на фактический материал могла приводить и к появлению дальнейшей внутренней полемики по поводу различных обрядовых тонкостей. Нельзя исключать и обратное влияние памятников на позицию лидеров старообрядческих согласий в спорных вопросах внутренней полемики. И если место древнерусских святынь в полемике с государственной церковью достаточно хорошо изучено, то предметный ряд, приводившийся старообрядцами во внутренних полемических целях, нуждается в дополнительном освещении. В частности, это касается споров между выговцами и федосеевцами о написании «титлы Пилатовой» (ИНЦ) на крестах. Именно она привела к более детальному изучению старообрядцами ряда специфических святынь Новгорода, имевших западноевропейское происхождение. Речь идет о знаменитых Магдебургских вратах, созданных немецкими мастерами в XII в. (Рис. 1), а также окладов для Евангелия, изготовленных во Франции в технике лиможской эмали, датируемых XIII в. (Рис. 2, 3).

Почему старообрядческие описания этих памятников представляют особенный интерес? Прежде всего, на их примере выговские старообрядцы достаточно ярко продемонстрировали умение построения сложной интерпретации конкретных произведений искусства, которые не в полной степени вписывались в их представления о дониконовской церковной традиции. Описывая упомянутые памятники, старообрядческие книжники оказывались в двойственном положении. С одной стороны, уже к XVII в. эти предметы устойчиво наделялись священным статусом. Лиможские оклады в конце XVII в. были выставлены над гробницей Антония Римлянина и, по преданию, чудесным образом приплыли с ним из Рима. Они являлись частью реликвий, связанных с именем преподобного, комплекс которых формировался вокруг его раки и на паперти собора Рождества Богородицы Антониева монастыря с XVI столетия [Трифонова, 2019]. Легенду о принадлежности эмалей Антонию не оспаривал даже архимандрит Макарий (Миролюбов), который еще в середине XIX в. предполагал, что эмали «могут принадлежать к тому веку, в котором жил и приплыл к Новгороду Антоний Римлянин с своею церковною утварию» [Макарий (Миролюбов), 1860, с. 166]. Магдебургские врата считались частью «корсунских реликвий», доказывавших преемственность древнерусской церкви от Византии, причем легенда об их происхождении из Корсуня, по мнению А. Поппэ, появилась не ранее XVI в. и была связана с отголосками противостояния Новгорода и Москвы [Рорре, 1984]. В свою очередь, А. Н. Трифонова относит возникновение этого названия для западных врат Софийского собора еще к середине XV в. [Трифонова, 2015, с. 10–13]. Эта устоявшаяся легенда была усвоена выговцами, которые в «Поморских ответах» именуют врата не иначе, как «Корсунские», уточняя в 5 ответе, что «врата великая медная» «из Корсуня взя князь Владимир» [Поморские ответы, 1911, с. 28]. При этом стоит отметить, что указанные памятники и по стилистике, и, что важнее, по некоторым иконографическим особенностям

отличались от большинства византийских или русских образцов и нуждались в дополнительной интерпретации, дабы вписать их в представления об изобразительных канонах, унаследованных староверами от поздней русской церковной традиции. Наконец, на наш взгляд, именно эти реликвии, и в особенности Магдебургские врата, вероятно, стали одним из важных аргументов в полемике вокруг «пилатовой титлы», которая на протяжении почти столетия препятствовала объединению двух крупнейших беспоповских согласий – федосеевского и поморского.

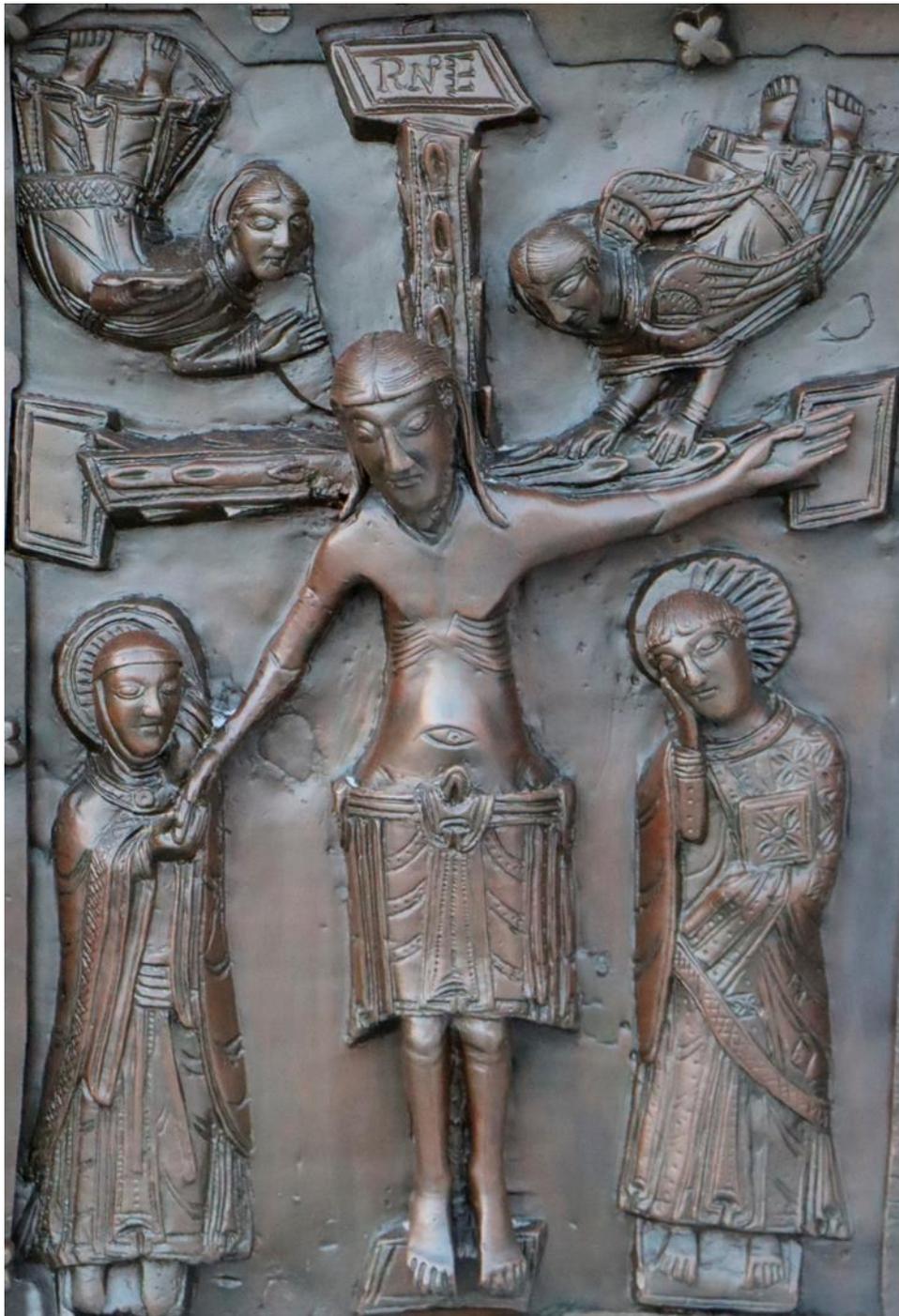

Рис. 1. Магдебургские врата (фрагмент). Распятие с предстоящими. Магдебург. XII в. Бронза, медь, дерево, литье, чеканка, гравировка. Новгородский Софийский собор.

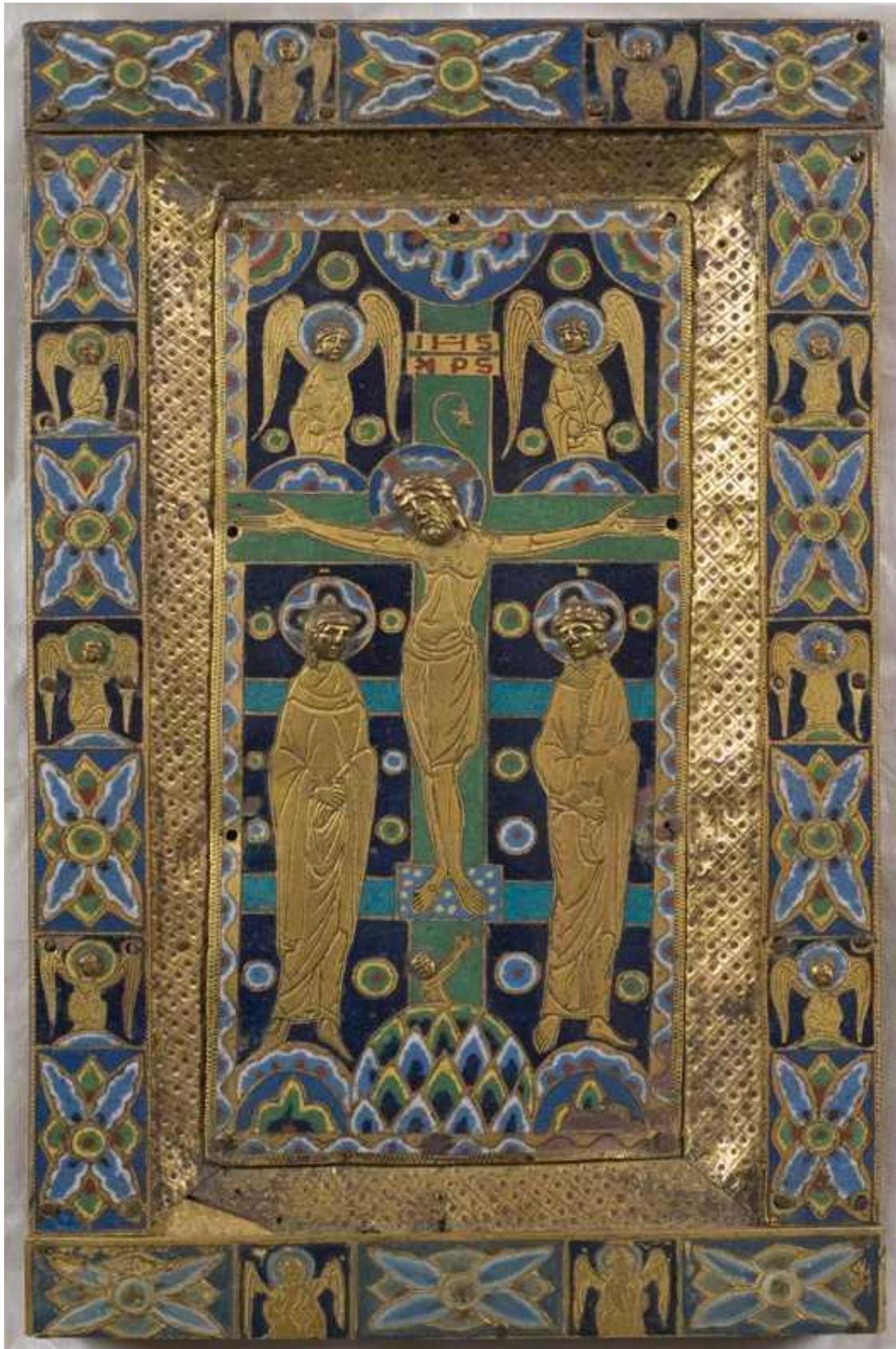

Рис. 2. Оклад Евангелия. Распятие с предстоящими. Лимож. Первая треть XIII в. Литье, эмаль выемчатая, басма. НГОМЗ. КП 2189. ДРМ-2488/2.

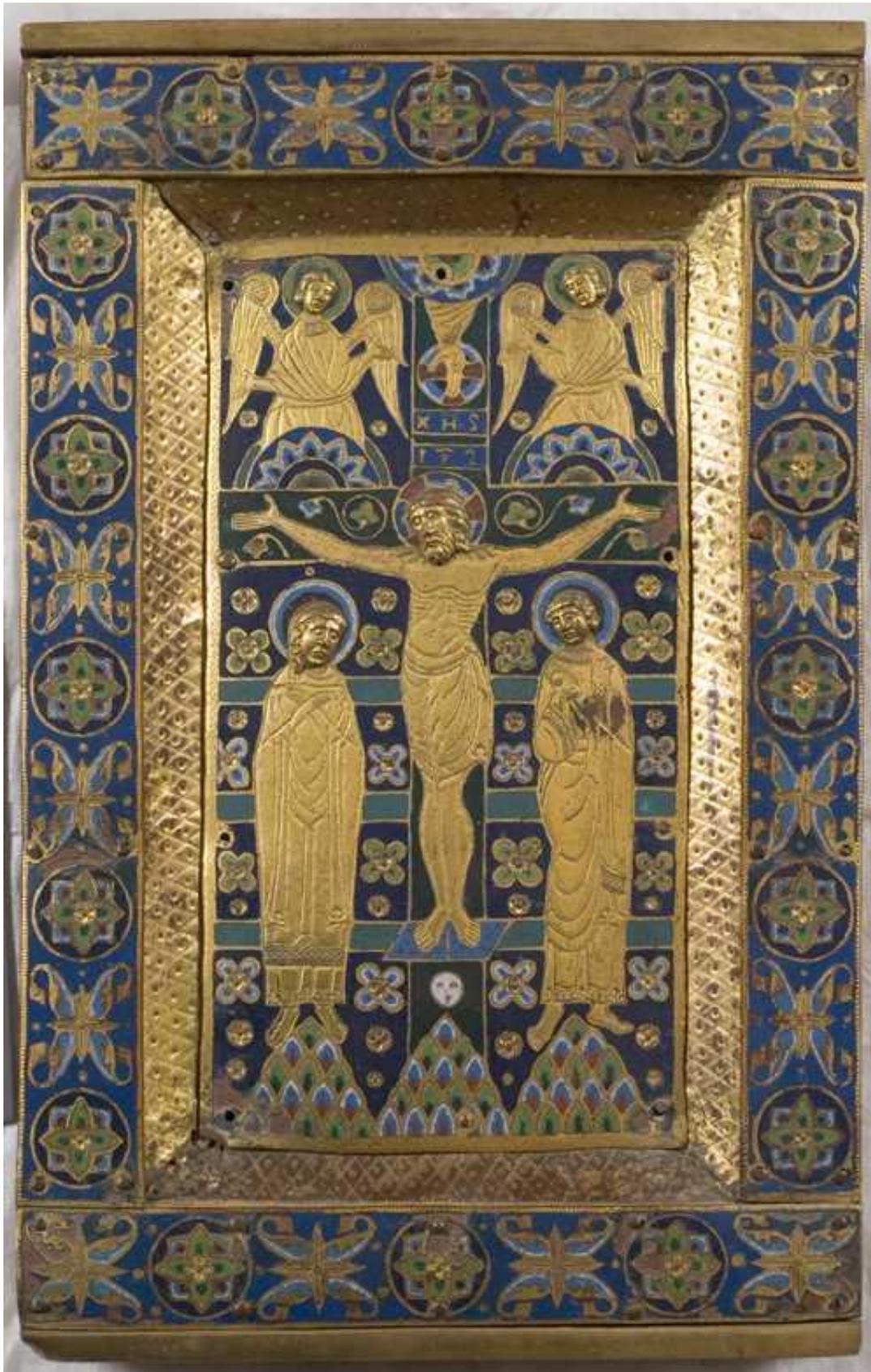

Рис. 3. Оклад Евангелия. Распятие с предстоящими. Лимож. Первая треть XIII в. Литье, эмаль выемчатая, басма. НГОМЗ. КП 2191. ДРМ-2489/2.

Спорам вокруг «пилатова надписания» (надписи ИИЦ) уделено значительное место в работах П. С. Смирнова и А. И. Мальцева [Смирнов, 1909, с. 283–310; Мальцев, 2006, с. 23–238]. Они уходят корнями в полемику дьякона Игнатия Соловецкого и Геронтия Соловецкого (60–70-е гг. XVII в.). Говоря о титле, Игнатий настаивал на невозможности поклоняться крестам с ее начертанием и отмечал: «Сего... прежде нигде пишимо не было, кроме отпадших латынь» [Игнатий Соловецкий, 2000, с. 42], в то время как Геронтий придерживался другой точки зрения. Дальнейший виток полемики связан с именем Феодосия Васильева, занимавшего компромиссную позицию и не видевшего греха в том, чтобы поклоняться крестам с «пилатовым надписанием». Однако Феодосий столкнулся с жесткой позицией выговцев, очевидно, внушенной суждениями Игнатия. Poleмика между федосеевцами и поморцами по этому вопросу продолжалась вплоть до 1771 г., когда московские федосеевцы во главе с Ильей Ковылиным приняли точку зрения выговцев. После этого образовалось отдельное согласие федосеевцев-«титловцев», продолжавших поклоняться крестам с инициалами ИИЦ [Мальцев, 2006, с. 165, 286]. Не последнюю роль в отстаивании титлы играли и новгородские святые. На них ссылались как выговцы, так и федосеевцы, аргументы которых известны гораздо меньше. В частности, посланный в 1716 г. в Юрьевский уезд к федосеевцам выговский эmissар Иван Федоров получил ответ с доводами оппонентов, в котором, в числе прочих доказательств истинности пилатова надписания, фигурировал «крест в Старой Русе», который был «поставлен в моровое поветрие, назад тому 60 лет» и имел две титлы [Смирнов, 1909, с. 68]. Вероятно, посещение Ильей Ковылиным часовни Чудного Креста на Волховском мосту в 1771 г., подробно описанное в старообрядческом сочинении XIX в. «Алфавит духовный», также было навеяно полемикой с ревнителями надписи ИИЦ, которые могли ссылаться на эту локальную святыню, действительно имевшую подобные инициалы, появившиеся на ней в результате поздней записи [Морозова, 2014, с. 94–95]. Возможно, как и в случае с Чудным Крестом, повышенное внимание поморцев к надписям на предметах западноевропейской работы было продиктовано тем, что сторонники титлы могли использовать свое прочтение малопонятных надписей в качестве аргумента в защиту своей точки зрения, исключавшей абсолютизацию выговцами варианта ИС ХС Царь Славы.

Уже на раннем витке полемики в сочинениях противника «пилатова надписания» Игнатия Соловецкого фигурируют «Антония Римлянина кресты», которые приводятся автором в доказательство единственно верной, с его точки зрения, надписи ИС ХС Царь Славы. Интересен тот факт, что дьякон упоминает об их местонахождении в Благовещенском монастыре под Новгородом, что подтверждается источниками – именно там они были зафиксированы описью 1617 г., а в составе имущества собора Рождества Богородицы Антониева монастыря они впервые упоминаются лишь в 1696 г. [Трифонова, 2019, с. 418]. Несмотря на это, Игнатий воспроизводит легенду об их принадлежности преп. Антонию, что является интересным свидетельством ее существования еще до того времени, когда они были перенесены в Антониев монастырь. Вероятно, сам дьякон не видел образов, написанных «мусиею», так как

утверждал, что они имеют надпись «Царь Славы Исус Христос Сын Божий» [Игнатий Соловецкий, 2000, с. 42], что не соответствовало действительности.

Оклады с изображением распятия и Магдебургские врата упоминаются в «Поморских ответах», о чем уже было сказано выше: выговские книжники отсылкой к данным предметам обосновывали древность почитания восьмиконечного креста. Однако наиболее ярко осмысление новгородских памятников западноевропейского происхождения проявилось уже в ходе полемики Андрея Денисова и Феодосия Васильева в первой трети XVIII в. В частности, анализ этих произведений имеется в сочинении Андрея Денисова «Собрание о титле на кресте» (1727 г.), впервые изданном П. С. Смирновым [Смирнов, 1909, с. 69, 38], а также в еще одном его же сочинении «Известие странным братии, пришедшим ради мирнаго состояния» (1727 г.), впервые изданном Н. И. Поповым [Попов, 1870, с. 45–46]. Предыстория этих сочинений такова: в 1727 г. на Выг явился федосеевский наставник Игнатий Трофимов в поисках компромисса с выговцами по вопросу принятия пилатовой титлы, в результате чего выговцы резюмировали результаты дискуссии в указанных сочинениях. Оба памятника сохранились в нескольких списках, в том числе, в собраниях Библиотеки Российской академии наук (БАН. Собр. Дружинина. № 462 (первая половина XVIII в.). Л. 258–270; № 243 (30–40-е гг. XIX в.). Л. 97–108 об.), Института русской литературы Российской академии наук (ИРЛИ РАН. Верхнепечорское собр. № 106 (конец XVIII в.). Л. 112 об.; Северодвинское собр. № 155 (начало XIX в.). Л. 168, 126; Пинежское собр. № 8 (первая треть XVIII в.). Л. 113–128; № 117 (начало XIX в.). Л. 1–5) и Древлехранилища Псковского музея-заповедника (ПМЗ. ДХ. Ф.1094. Дновский район. КП-34182/3. РУК-2460 (фрагмент)).

Один из списков двух произведений конца XVIII в. выявлен в Отделе письменных источников Новгородского государственного объединенного музея-заповедника (далее – ОПИ НГОМЗ) в составе сборника конца XVIII – начала XIX в.¹ Он представляет собой рукописный конвюлт в 8°, четырех почерков, содержащий ряд полемических сочинений, связанных с разделением федосеевцев и поморцев. Отдельно можно отметить, что сборник был приобретен у старообрядца, непродолжительное время исполнявшего обязанности наставника в поселке Крестцы: именно в Крестецком уезде, по свидетельству чиновника Министерства внутренних дел Ю. К. Арсеньева, как минимум до середины XIX в. согласие титловщины было довольно распространенным, и полемика по этому вопросу была там актуальна достаточно продолжительное время².

В сборнике имеется «Собрание о титле на кресте» («Собрание в показание желающим ведети о надписании животворящего креста». Л. 88–110 об.) (Рис. 4) и «Известие странным братии, пришедшим ради мирнаго состояния» (л. 111–114). К последнему сочинению также присоединено «Толкование литер» на Корсунских вратах и крестах Антония Римлянина, принесенных «с Риму» (л. 114–115 об.) (Рис. 5). Аналогичные подробные «толкования» имеются в списке первой половины XVIII в. из собрания БАН (БАН. Собр. Дружинина. № 462. Л. 272 об.–275). С определенной

¹ Сборник старообрядческий. Кон. XVIII – первая четверть XIX в. ОПИ НГОМЗ. КП 41059. КР-486.

² Отчет действительного статского советника Арсеньева о состоянии раскола в Новгородской губернии и в Новгородском уезде Петербургской губернии, 1853 г. РГИА. Ф. 1284. Оп. 208. Д. 480-в. Л. 42 об.

долей вероятности их также можно отнести к авторству Андрея Денисова, поскольку в обоих списках они являются дополнением к его сочинению и расширяют попытки расшифровки сокращений, данные в сочинениях киновиарха «О федосеевцах» и «Собрание о титле на кресте».

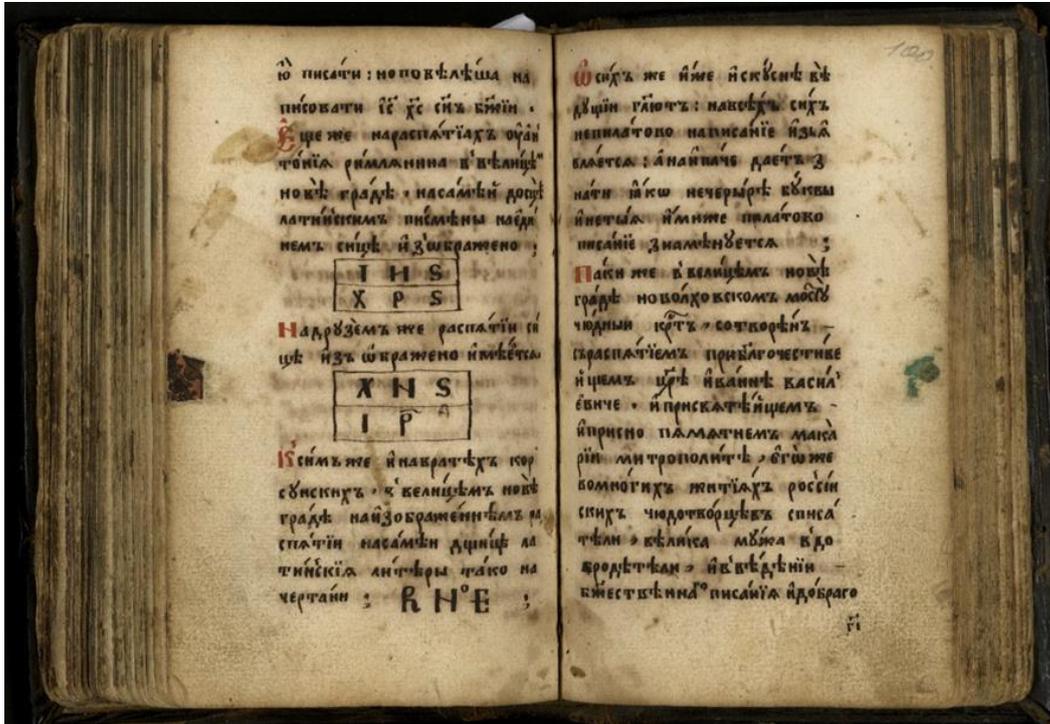

Рис. 4. Собрание в показание желающим ведети о надписании животворящего креста. Список из сборника-конволюта. Конец XVIII в. ОПИ НГОМЗ. КП-41059/99. КР-486. Л. 99 об.–100.

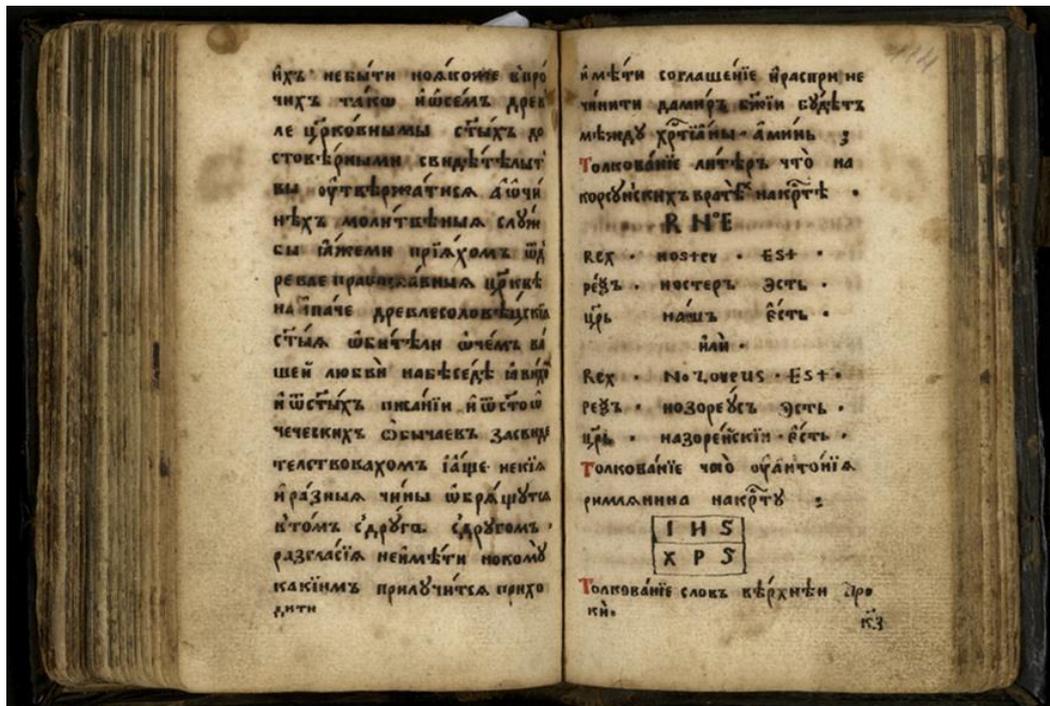

Рис. 5. Известие странным братии, пришедшим ради мирнаго состояния. Список из сборника-конволюта. Конец XVIII в. ОПИ НГОМЗ. КП-41059/99. КР-486. Л. 113 об.–114.

Вероятно, выговцы обратили внимание именно на эти памятники неслучайно. Как на окладах из Антониева монастыря, так и на Магдебургских вратах верхняя перекладина креста в композициях «Распятие» действительно содержит надписи, однако не такие, какие считались правильными выговцами. Напомним, что поморские авторы признавали только надпись IC XC на верхней перекладине. Справедливым будет предположить, что либо в устной полемике, либо в неизвестных нам сочинениях новгородские федосеевцы могли ссылаться на данные памятники, благодаря чему появилась потребность в достаточно детальном критическом разборе надписей на них со стороны Андрея Денисова.

Наибольшую проблему, вероятно, представляла надпись на Магдебургских вратах. Она состоит из литер RNoE и расшифровывается исследователями как *Rex Nazarenorum Eudaeorum* (Царь назореев иудеев) [Конкордин, 1901, с. 90; Knapieński, 2013, s. 73]. Очевидно, что по смыслу эта надпись наиболее соответствует «четырёхлитерному надписанию» ИИЦІ. Андрей Денисов, в свою очередь, предлагал два прочтения: “*Rex Noster Est*” («Царь наш есть») и “*Rex Nosoreus Est*” («Царь назорейский есть»).

Очевидно, что даже в интерпретации Андрея Денисова второй вариант перевода относительно близок к оспаривавшейся им пилатовой титле, однако автор формально разбивает этот аргумент тем, что буквы не четыре, и они совсем не те, которые отстаивали федосеевцы: «о сих же иже искусне ведущии глаголют на всех сих не пилатово написание изъясляется: а наипаче дает знати, яко не четыре буквы и не тыя, ими же пилатово писание знаменуется»³.

Более простой, а с другой стороны, проблемной задачей для выговского книжника могла стать расшифровка надписей на лиможских окладах. Так, на первом окладе читается надпись IHS XPS – т. н. *pomina sacra*, средневековая монограмма Христа, перешедшая в латинскую традицию из греческих текстов [Bischoff, 1990, p. 152]. Она могла содержать и дополнительные значения. Старообрядческий книжник, очевидно, не мог признать эту надпись монограммой, так как пришлось бы объяснять, почему на святых крестах, «чюдесне из Рима пришедших» с преп. Антонием, имя Христа написано с двумя «иотами». Поэтому он умалчивает об основном значении сокращения и дает только варианты политерной расшифровки монограммы, при этом в латинском варианте пишет имя *Iesus* с ошибкой, по сути, передавая транскрипцию дореформенного церковнославянского написания «Исус»:

IHS

“*Isus Hominum Structilis*” – «Исус Человеков Зиждитель»

“*Isus Hostium Supetans*” – «Исус Врагов Победитель»

XPS

“*Xristus Peccata Suscipiens*” – «Христос Грехи Возьмляй»

“*Xristus Potens Saluere*” – «Христос Могий Спасати или Спасти»

“*Xristus Propitiatur Simulacrum*” – «Христос Очиститель Кумиров»

³ Сборник старообрядческий. Кон. XVIII – первая четверть XIX в. ОПИ НГОМЗ. КП 41059. КР-486. Л. 100.

Аналогичным образом, видимо, не обладая информацией об общем значении аббревиаций, Андрей Денисов приводит толкования отдельных литер XHS и IPS на втором окладе преп. Антония:

XHS

“Xristus Homo Substalis” – «Христос Человек Существенный»

“Xristus Humanitatis Susceptor” – «Христос Человечества Восприятель»

IP<S>⁴

“Isus Providius Salutis” – «Исус Промыслитель Спасения»

“Isus Peccatorum Salvator” – «Исус Грешных Спаситель».

Обращает на себя внимание многообразие расшифровок аббревиатур, приводимых Андреем Денисовым. Это свидетельствует о том, что он пользовался каким-то специфическим источником, который пока сложно установить. Также возможно, что в основе трактата лежали сведения, полученные устно от сведущего лица, на что есть указание в «Собрании о титле на кресте». По замечанию Н. В. Понырко, мы не имеем документальных свидетельств владения Андреем Денисовым латынью [Понырко, 1981, с. 156], однако по ряду источников известно о его пребывании в Киево-Могилянской академии, который пришелся на 1718 г., когда полемика с федосеевцами была достаточно напряженной. Вполне возможно, что консультации по расшифровке сокращений на крестах он мог получить в ходе этой поездки, либо общаясь с носителями схоластической учености в Москве и Новгороде, где, по мнению В. Г. Дружинина, подвергавшего сомнению эпизод с Киево-Могилянской академией из «Жития» Андрея, он мог получить познания в риторике и прочих словесных науках [Дружинин, 1911, с. 15–17].

Отметим, что даже в работе Макария (Миролюбова), содержащей довольно подробное описание лиможских окладов, приводится гораздо меньше вариантов расшифровки монограмм. Надписи на первом окладе близки в его варианте выговским: IHS – Iesus Hominum Saluator, а XPS – Xristus Patronus Sanctissimus. Впрочем, Макарий отмечает, что можно читать и по-гречески «Исус Христос». Надписи на втором окладе он предлагает расшифровывать, как Xristus Hominum Saluator («Христос спаситель человеков») и Iesus Patronus Sanctissimus («Исус святейший покровитель») [Макарий (Миролюбов), 1860, с. 165–166]. Опираясь на доступные словари латинских аббревиатур и работу Л. Траубе, посвященную *nomina sacra*, также можно предположить, что XHS – не что иное, как грецизированная монограмма, совмещающая X – Xristus (Christus) [Capelli, 1929, p. 401] и HS – Hiesus (Iesus) [Traube, 1907, pp. 153–154]. Наряду с этим, можно также предположить, что XHS является монограммой HIS (Hiesus) [Traube, 1907, pp. 154–156], часть которой записана греческими литерами. Распространенное сокращение IPS, в свою очередь, обозначает Ipsilon [Capelli, 1929, p. 186]. Таким образом, как и в случае с надписью на первом распятии, ее можно читать и как аббревиатуру Xristus Hiesus Ipsilon – «Сам Христос Исус», или Xhesus Ipsilon – «Сам Исус». Как бы то ни было, эти литеры не являются аналогом «пилатовой титлы», что и предполагал выговский книжник.

⁴ В списке НГОМЗ и БАН пропущена имеющаяся в оригинале литера «S», но при этом дана ее расшифровка.

Заключение

Столь подробное изучение староверами реликвий западноевропейского происхождения не только дополняет тему описания ими древних церковных артефактов, но и позволяет сделать некоторые предположения об источниках внутренней старообрядческой полемики XVIII в. Вполне возможно, что наличие западноевропейских памятников, имевших статус реликвий и выставленных на всеобщее обозрение в Новгороде, в какой-то степени могло влиять на появление у Феодосия Васильева и его последователей лояльного отношения к разным вариантам надписей на кресте, что, возможно, и спровоцировало столь детальное критическое исследование этих памятников со стороны выговских авторов. Наконец, подробные расшифровки латинских сокращений Андреем Денисовым дают дополнительный материал к рассуждению о том, имел ли выговский киновиарх хотя бы начальные навыки работы с латинскими текстами, в частности, навыки произношения и чтения: расшифровки, приводимые в источнике, включают не только надпись и ее перевод, но и транскрипцию, которая, впрочем, также могла быть записана с чьих-то слов.

Библиографический список

- Дружинин, В. Г. (1911). *Словесные науки в Выговской поморской пустыни*. Санкт-Петербург: Типография А. М. Александрова.
- Игнатий Соловецкий (2000). Челобитная царю Алексею Михайловичу. *Памятники старообрядческой письменности. Вып. 1*. Санкт-Петербург: Издательство РХГИ.
- Конкордин, А. (1901). *Описание новгородского кафедрального собора*. Новгород: Губернская типография.
- Макарий (Миролюбов) (1860). *Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. Ч. 2*. Москва: Типография В. Готье.
- Мальцев, А. И. (2006). *Старообрядческие беспоповские согласия в XVIII – начале XIX в.: проблема взаимоотношений*. Новосибирск: Сова.
- Морозова, Н. (Ред.-сост.). (2014). *«Алфавит духовный» Василия Золотова: исследование и текст*. Вильнюс: Институт литовского языка.
- Поморские ответы*. (1911). Москва: Издание Московского старообрядческого братства честного и животворящего креста Господня.
- Понырко, Н. В. (1981). Учебники риторики на Выгу. *Труды Отдела древнерусской литературы, 36* (с. 154–162). Ленинград: Наука.
- Попов, Н. И. (1870). *Материалы по истории беспоповщинских согласий в Москве*. Москва: Университетская типография.
- Смирнов, П. С. (1909). *Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII века*. Санкт-Петербург: Типография М. Меркушева.
- Трифонова, А. Н. (2015). *Двери Новгородской Софии*. Великий Новгород.
- Трифонова, А. Н. (2019). Ризница собора Рождества Богородицы. «Реликвии Антония Римлянина» и другая церковная утварь. *Собор Рождества Богородицы Антониева монастыря в Великом Новгороде. К 900-летию основания* (с. 385–429). Великий Новгород: НГОМЗ.
- Юхименко, Е. М. (2014). Изучение памятников художественной церковной старины старообрядцами в начале XVIII в. *Труды Отдела древнерусской литературы, 63* (с. 499–508). Санкт-Петербург: Наука.
- Юхименко, Е. М. (2019). Изучение новгородских церковных древностей старообрядцами в первой четверти XVIII в. *Древняя Русь. Вопросы медиевистики, 2*(76), 91–99.
- Юхименко, Е. М. (2023). Изучение старообрядцами в начале XVIII в. Изборника Святослава 1073 г. *Древняя Русь. Вопросы медиевистики, 1*(91), 146–153.
- Bischoff, V. (1990). *Latin palaeography: Antiquity and the Middle Ages*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Capelli, A. (1929). *Dizionario di abbreviature latine ed italiane*. Milano: Ulrico Hoepli.
- Knapiński, R. (2013). *Porta Fidei. Brama Wiary. Romańskie Drzwi Płockie w Nowogrodzie Wielkim*. Płock: Książnica Płocka im. Władysława Broniewskiego.

- Poppe, A. (1984). On the so-called Chersonian antiquities. *California Slavic Studies*, XII (pp. 71–104). Berkley, Los Angeles, London.
- Traube, L. (1907). *Nomina sacra. Versuch einer Geschichte der christlichen Kürzung*. München: C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung.

References

- Bischoff, B. (1990). *Latin palaeography: Antiquity and the Middle Ages*. Cambridge: Cambridge University Press Publ.
- Capelli, A. (1929). *Dizionario di abbreviature latine ed italiane*. Milano: Ulrico Hoepli Publ.
- Druzhinin, V. G. (1911). *Verbal sciences at the Vygovsky Pomor monastery*. St. Petersburg: A. M. Alexandrov Typography. (In Russian).
- Ignat'y Solovetsky (2000). A petition to Tsar Alexei Mikhailovich. *Monuments of Old Believer Writing. Is. 1*. St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute Publ. (In Russian).
- Knapieński, R. (2013). *Porta Fidei. Brama Wiary. Romańskie Drzwi Płockie w Nowogrodzie Wielkim*. Płock: Książnica Płocka im. Władysława Broniewskiego Publ.
- Konkordin, A. (1901). *The Description of the Novgorod Cathedral*. Novgorod: Gubernskaya tipografiya Publ. (In Russian).
- Makariy (Mirolyubov) (1860). *Archaeological description of church antiquities in Novgorod and its surroundings. Pt. 2*. Moscow: V. Gotye Typography. (In Russian).
- Maltsev, A. I. (2006). *The Old Believers Bespopovtsy concordances in the XVIII – early XIX century: the problem of mutual relations*. Novosibirsk: Sova Publ. (In Russian).
- Morozova, N. (Ed.). (2014). *The "Ecclesiastical Alphabet" by Vasily Zotov: research and text*. Vilnius: Institute of the Lithuanian Language Publ. (In Russian).
- Ponyrko, N. V. (1981). Rhetoric textbooks in the Vyg Region. *Proceedings of the Department of Old Russian Literature*, 36 (pp. 154–162). Leningrad: Nauka Publ. (In Russian).
- Popov, N. I. (1870). *Materials on the history of the Bespopovtsy concordances in Moscow*. Moscow: University Typography. (In Russian).
- Poppe, A. (1984). On the so-called Chersonian antiquities. *California Slavic Studies*, XII (pp. 71–104). Berkley, Los Angeles, London.
- Smirnov, P. S. (1909). *Disputes and divisions in the Russian Schism in the first quarter of the 18th century*. Saint Petersburg: M. Merkushev Typography. (In Russian).
- The Pomorian Answers*. (1911). Moscow: Moscow Old Believer Brotherhood of the Honest and Life-Giving Cross of the Lord Publ. (In Russian).
- Traube, L. (1907). *Nomina sacra. Versuch einer Geschichte der christlichen Kürzung*. München: C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung.
- Trifonova, A. N. (2015). *The doors of the Novgorod St. Sophia Cathedral*. Veliky Novgorod. (In Russian).
- Trifonova, A. N. (2019). Sacristy of the Cathedral of the Nativity of the Virgin. "Relics of Anthony the Roman" and Other Church Utensils. *Cathedral of the Nativity of the Virgin Mary at the St. Anthony Monastery in Veliky Novgorod. On the 900th anniversary of the foundation* (pp. 385–429). Veliky Novgorod: Novgorod State Museum-Reserve Publ. (In Russian).
- Yuhimenko, E. M. (2023). Study of the 1073 Svyatoslav's Izbornik by the Old Believers at the beginning of the 18th century. *Old Russia. The Questions of Middle Ages*, 1(91), 146–153. (In Russian).
- Yuhimenko, E. M. (2019). The study of Novgorod church antiquities by the Old Believers in the first quarter of the 18th century. *Old Russia. The Questions of Middle Ages*, 2(76), 91–99. (In Russian).
- Yuhimenko, E. M. (2014). The study of the artistic church antiquity monuments by Old Believers in the early 18th century. *Proceedings of the Department of Old Russian Literature*, 63 (pp. 499–508). St. Petersburg: Nauka Publ. (In Russian).

Поступила в редакцию / Received 06.06.2025

Принята к публикации / Accepted 20.06.2025

Об авторе / About the author

Мельников Илья Андреевич – кандидат культурологии, заместитель генерального директора по научной работе, Новгородский государственный объединенный музей-заповедник, Великий Новгород, Россия.

Melnikov Ilya Andreevich – Cand. Sci. in Cultural Studies, Deputy General Director for Research, Novgorod State Museum-Reserve, Veliky Novgorod, Russia.

ORCID: 0000-0003-4962-0705; e-mail: potep_88@mail.ru